

Уци ответил:

— Слушаюсь.

Поклонился, развернулся и быстро удалился.

Е Наньфэн, едва переведя дыхание, испугался, что его спокойная жизнь вот так оборвётся из-за маленького проказника. Он был твёрдо намерен не допустить, чтобы Уци позвал лекаря.

Госпожа только что вернулась, и если её сын сразу же позовёт лекаря, это будет выглядеть как прямой вызов. Е Наньфэн даже начал подозревать, что этот малыш сделал это намеренно.

Е Наньфэн встал и сказал:

— Стой, не нужно. Я просто не смог перевести дыхание после того как ты на меня налетел, не стоит беспокоить лекаря.

Уци остановился, глядя на своего господина. Малыш недоверчиво посмотрел на старшего брата, убедившись, что с ним действительно всё в порядке, и только тогда махнул рукой Уци.

Затем он снова повернулся к Е Наньфэну, обнял его за талию и, почти уткнувшись головой в его тело, с грустью произнёс:

— Старший брат, прости меня. Когда я вернулся, мне сказали, что ты заболел, настолько сильно, что не мог встать с постели. Я волновался и пришёл проведать тебя. Увидев, что ты в порядке, я так обрадовался, что не смог сдержаться. Не сердись на меня, пожалуйста.

Тело Е Наньфэна мгновенно окаменело, и он почувствовал себя крайне некомфортно.

Он мог поклясться, что за свои двадцать шесть лет жизни его никогда никто не обнимал за талию, не говоря уже о том, чтобы тереться о неё.

И дома, и за его пределами люди смотрели на него как на стихийное бедствие, стараясь держаться подальше. Даже его самая близкая сестра никогда не достаивала его таких объятий.

Е Наньфэн поспешно отстранил младшего брата, сохранив безопасное расстояние, и сказал:

— Больше так не делай.

На белом, нежном личике ребёнка отразились обида и печаль, словно его старший брат совершил нечто ужасное. Слезы застыли в его глазах, готовые вот-вот пролиться, а губки подрагивали, как будто он вот-вот заплачет.

Внутри Е Наньфэн был в полном смятении, но его рука уже сама потянулась, чтобы ущипнуть щёчку малыша, а другая рука машинально похлопала его по спине, чтобы успокоить.

— В следующий раз не бросайся так напролом. Если мать увидит, мы оба получим наказание, понятно?

Сказав это, Е Наньфэн не удержался и снова ущипнул мягкую щёчку, но в глубине души напомнил себе: это главный герой, Е Наньмянь, а не твоя сестра. Щёчки можно щипать, но нужно остановиться.

Итак, Е Наньфэн вовремя остановился.

Мало кто знал, что Е Наньфэн, внушающий страх глава корпорации Цзинтэн, был тем самым «злым дядькой», который любил щипать детские щёчки и гладить собачек по голове. Но как глава семьи, он не мог позволить себе такого и тем более не мог позволить, чтобы об этом узнали. Это было возможно только в кругу своей сестры и в своём маленьком доме.

Е Наньмянь наслаждался утешением старшего брата, и его раненое сердце наконец успокоилось. Его маленькое личико сияло улыбкой, а большие глаза смотрели на старшего брата так, что Е Наньфэн почувствовал, как где-то в его сердце что-то дрогнуло.

Малыш тихо и нежно позвал:

— Старший брат.

Е Наньфэн подумал, что, если бы это было «братик», он бы уже сдался. Его сестра в прошлом всегда использовала это как козырь, когда попадала в неприятности, и это срабатывало безотказно, потому что слово «братик» имело куда больший эффект, чем «старший брат». И Е Наньфэн тоже поддавался этому.

Е Наньфэн спросил:

— Ты уже пообедал?

Е Наньмянь без энтузиазма ответил:

— Не хочу есть. В храме я всё вырвал в повозке, сейчас нет аппетита.

Е Наньфэн подумал: «Как у тебя, маленького проказника, может не быть аппетита? Если нет аппетита, иди скажи об этом своей матери, а не приходи ко мне, иначе я стану твоей „грушей для битья“».

Однако, увидев бледное личико ребёнка, он не сказал этого вслух, хотя чувствовал сильное раздражение.

В его воспоминаниях этот брат всегда был привязан к нему, и, если у него появлялось что-то хорошее, он всегда приносил это ему. Вероятно, это было потому, что в поместье не было других детей его возраста.

Мать, мечтавшая о его успехе, с самого детства заставляла его учить «Троесловие» и занималась множеством дел в задних покоях, так что у неё не было времени на близость с родным сыном, Е Наньмянем.

Что касается отца, он всегда уезжал рано и возвращался поздно, и братья видели его крайне редко. В своих воспоминаниях Е Наньфэн знал только, что его вырастила няня, а маленький Е Наньмянь в детстве тоже был с ней, а когда подросток, стал постоянно ходить за ним по пятам.

Глядя на бледное личико ребёнка, Е Наньфэн наконец не смог больше игнорировать это. Как смешно, что всегда холодный и бессердечный Е Наньфэн теперь испытывал жалость к маленькому мальчику, которого даже не знал. Это было поистине забавно.

«Пусть это будет хорошим прощанием первоначального хозяина тела с этим братом», — подумал Е Наньфэн.

Он вздохнул и сказал:

— Пойдём, поедим в моей комнате. Я ещё не обедал, так что поешь со мной, а потом возвращайся в свой двор.

Глаза ребёнка загорелись, но в них также читалась обида. Он сделал маленький шаг вперёд, его пухленькая ручка мягко потянула за белый рукав Е Наньфэна, и, увидев, что тот не возражает, он радостно кивнул:

— Хорошо, А-Мянь послушается старшего брата.

Маленькая головка Е Наньмяня не понимала, почему старший брат не позволяет ему быть ближе, но он чувствовал, что, если сейчас не удержит его, то потеряет навсегда.

Е Наньмянь, хоть и был с детства окружён любовью всего поместья Линъань-вана и получал всё, что хотел, даже император благоволил ему, из-за своего высокого статуса он с детства не имел близких друзей.

Хотя Е Наньмянь выглядел как маленький ребёнок, он был воспитан самим императором и обладал достаточным умом и проницательностью, поэтому его интуиция часто оказывалась верной.

В его воспоминаниях старший брат всегда был добр к нему, всегда делился вкусной едой и игрушками, а также не раз помогал ему избежать наказания за шалости.

Он думал, что старший брат сейчас не хочет быть ближе к нему из-за того, что мать не позволила ему поехать в храм Хуаань. Он верил, что, если будет больше уговаривать, старший брат перестанет сердиться.

На праздник Дуанью супруга Линъань-вана дала обет, и поэтому Ян Фэнлань взяла Е Наньмяня в храм Хуаань, чтобы выполнить его. Это был императорский храм Сюаньци, и, как внебрачный сын, Е Наньфэн, естественно, не был приглашён. Мать просто нашла предлог, чтобы оставить его в поместье.

Е Наньфэн наконец успокоил ребёнка и повёл его поесть.

Он планировал отправить его обратно после еды, но малыш продолжал приставать к нему, и, если его что-то не устраивало, слёзы тут же начинали катиться по его щекам, что крайне раздражало Е Наньфэна.

К счастью, на следующий день супруга Линъань-вана забрала его, но на второй и третий день ребёнок снова пристал к Е Наньфэну, и тот начал мечтать о том, чтобы стать невидимым и больше не видеть этого маленького проказника.

Одновременно он был рад, что малыш пока жил во внутреннем дворе, а он — во внешнем, иначе это было бы ещё хуже. Его нельзя было ни ударить, ни отругать, и, с трудом вырастив одну сестру, он больше не хотел брать на себя заботу о другом ребёнке. Это было слишком утомительно.

Затем Е Наньфэн подумал, что у него нет никаких обязательств перед этим ребёнком, так зачем ему вообще думать о том, чтобы его воспитывать? Однако малыш был настолько очарователен, что его хотелось баловать.

Когда его отец и мачеха оставили четырёхлетнюю девочку в его квартире со словами «позаботься о своей сестре», ему было всего пятнадцать лет, и его сердце ещё не ожесточилось. Он взял на себя заботу о своей сводной сестре, но это было вынужденное решение, и тогда его сердце ещё не стало непробиваемым. Сейчас он не хотел брать на себя ещё одну обузу, тем более что у Е Наньмяня были свои родители, и, казалось, ему не нужно было вмешиваться.

На четвёртый день Е Наньфэн почувствовал, что его здоровье почти восстановилось, и, чтобы избежать маленького проказника, он отправился в Дворцовую школу, чтобы начать строить свои связи и как можно скорее покинуть семью.

<http://bllate.org/book/15521/1379521>